

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ГОРОД
НАДЕЖДЫ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Дизайн переплета Ю. Щербакова

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Город надежды / Юлия Лавряшина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-247913-7

Иногда одна песня способна спасти жизнь. Именно так произошло с Асей, сумевшей победить зависимость благодаря творчеству Ильи Романова. Теперь помощь нужна уже ему самому. Но сможет ли человек, привыкший вдохновлять других, принять чужую поддержку?

Искренний роман о втором шансе, исцелении души и силе любви, которая не требует ничего взамен.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247913-7

© Лавряшина Ю., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Удастся ли мне объяснить вам? Достанет ли сил вытянуть из себя все жилы, чтобы сплести непростой узор своей любви? Оказалось ли это под силу хоть кому-нибудь из людей? Когда мы твердим, будто некие стихи или история переполнены болью, разве имеем хоть малейшее представление о том, что на самом деле творилось в душе у человека, их написавшего?

Слова разжижают чувство. Ты можешь кричать на весь свет, раздирая горло: «Мне больно! Мне так больно! Невыносимо!» Все равно отсвет в чужой душе окажется уничительно бледен... И тебе захочется стереть его, замазать белой, черной, любой краской, лишь бы спрятать от посторонних глаз жалкий отпечаток своей великой боли.

Может, я сделаю из этой рукописи бумажных голубей и пушу их по ветру... Моя любовь одолеет каких-нибудь два метра — туда, к нему! — и ткнется носом в пыльную обочину дороги. Чем дальше я буду писать, тем больше накопится пыли, ведь с наших улиц исчезают деревья. Маленькие города остаются за поворотом эпохи, как и маленькие люди вроде меня. Путь продолжают сильные и решительные, а мы незаметно умираем вместе с городком, который по своим меркам так же далек от старости, как и я. И тоже страдает молча, продолжая

улыбаться утренними окнами, в которых никто не видит режущей взгляд мольбы: «Мне так больно! Помогите...»

Помогите же мне! Вы — для которых я писала песни. Вы — вторившие им с зачарованными лицами. Вы — упивавшиеся моей болью. Я дарила вам острую радость и светлые слезы. Но я не могу больше... Я сгорела в собственном огне, потому что никто не разделил его со мной. Впрочем, к чему вам было делать это? Самое пронзительное удовольствие люди получают, наблюдая, как сгорает душа художника. И мне этого не изменить...

Он тоже не захотел ничего менять. Главная трагедия человечества проста: желания людей не всегда совпадают. На слух это даже пошло — он не захотел меня. И потому я плету из собственных жил нечто, на чем впору повеситься, ведь каждый изгиб пропитан многовековой прочностью. Все истории на свете так стары, что должны были наскучить, но куда там! Каждому его собственная кажется свежей и сочащейся горячей болью, точно едва полученная рана. Моей уже год, а она дымится паром, как в первый день.

Впрочем, сначала это была всего лишь ссадина, которой я и сама не придавала значения. Легкая боль даже забавляет: «Надо же! Все еще чувствуется». Я и не сомневалась, что через пару дней ранка затянется и забудется.

Недели и месяцы сыпались крупинками соли и разъедали ее, разъедали до тех пор, пока она не поглотила мое тело целиком. Это не самое страшное. Зачем мне тело, если он его не захотел? Кому оно может понадобиться? Только не мне.

Моя мечта проста, как все мечты:
Я так хочу однажды не проснуться,
Чтоб наконец-то с болью разминуться,
Что у рассветной ждет меня черты.
В моей мечте всего две буквы: он.
И это все, на что дыханья хватит,
Когда холщовое надену платье

ГОРОД НАДЕЖДЫ

И в нем нырну я в свой заветный сон.
Он не увидит, что чуть-чуть темней
Восход на голубой его планете...
Когда ты свет, то можешь не заметить,
Что в целом свете больше нет людей.
Мне обещали, что настанет час
(Но вот когда — я так и не узнала!):
Мы жизнь свою опять начнем сначала,
И все иначе сложится для нас.

Он. Кто — он? Что — он? Бывает ли в действительности нечто уникальное в людях, которые сводят других с ума? Или это лишь особенность взгляда, на них обращенного? Человек, о котором идет речь, прожил на свете сорок с лишним лет до того момента, как я увидела его, и тысячи людей устремляли на него взгляд, но только к двоим он вернулся бумерангом, нацеленным в сердце, — ко мне и его жене.

Вот и все, правда? Загадка не стоила выеденного яйца: он женат, и ему это нравится. Он женился не по расчету и не по необходимости, а как только и мог человек, способный свести меня с ума, — по любви.

Его имя Илья, которое значит «мой бог», говорит больше, чем я могу объяснить другими словами. А в фамилии слышится великая обреченность — Романов. Вот вы и догадались! Хотя я еще не сказала главного: он — одно из самых ярких явлений авторской песни, которой пытаюсь заниматься и я. В наших кругах его называют «живой легендой».

Да ведь вы знаете это! Мы одного рода-племени и с юности вместе заслушивались его песнями. Я даже подбирала их на гитаре, дуя на стертые струнами пальцы. Собственная песня родилась у меня всего год назад. Я прочла ее в глазах Ильи. Вы помните его глаза?

Мои верные зрители, я — та, которую вы любите и к словам которой прислушиваетесь, — порождение Ильи Романова. Он существовал и до меня, а я родилась, как

причудливое растение, отпочковавшееся от его песни. Какой? Этого я не помню. Я слышала и помнила наизусть множество их к тому времени, когда впервые увидела его. Не живу. Он взглянул на меня с экрана телевизора, и я почувствовала себя обманутой. Разве этот упивающийся успехом человек может быть тем самым Ильей Романовым, от песен которого у меня разрывалось сердце?!

Я была разочарована и оскорблена. То, как он игриво поблескивал глазами, обращаясь к публике, сверкал улыбкой и плавно поводил руками, казалось мне отвратительным. Стоило закончиться песне, как в красивой линии его рта проступало таившееся в душе Ильи высокомерие. Потом я поняла: показная надменность была своего рода самозащитой от недоброго отношения. Илья стремился опередить еще ни разу не родившийся в зале свист и всем видом дать понять, что ему глубоко наплевать на наше к нему отношение.

Но в тот день я еще не догадалась об этом, и потому Илья Романов показался мне вполне счастливым и довольным жизнью человеком. А в его песнях звенело одиночество ребенка, которого никто не понимает и не любит.

«Он обманывает меня!» — Я плакала, оттолкнув гитару, а он вдруг взял свою и опять посмотрел с экрана прямо на меня. Этот взгляд был мимолетным, едва уловимым, может быть, никто и не заметил его, кроме меня. Но я захлебнулась его выдержанной годами горечью. Я увидела глаза того самого человека, который проступал в моем воображении из песен. И стало ясно, что обманывал-то он, пытаясь выглядеть благополучным и счастливым.

Не верьте тому, будто маленькая ложь непременно перерастает в большую. Мое несчастье как раз и заключается в его невозможности солгать в главном. Ему легче остановить свое сердце, чем позволить ему издать неверный звук.

Я опять говорю не то, что думаю на самом деле... В природе не бывает неверных звуков. Они могут ока-

ГОРОД НАДЕЖДЫ

заться негармоничны по отношению друг к другу, но каждый в отдельности имеет право на существование. Как и любой человек.

Даже самая отвратительная личность создается окружением. Если бы Адольф Гитлер вырос в оазисе среди пустыни и со дня рождения не видел бы ни одного человека, из него не получился бы убийца мирового масштаба. Ненависть не бывает беспредметна. В самом зародыше она уже вектор, ее острие нацелено на кого-то... Акушерку? Изготовителя молочных смесей? Мать, не дающую грудь, потому что ее форма важнее, чем естественный голод новорожденного существа? Мало кому удастся вспомнить, в какой момент лопнула почка, содержащая росток ненависти...

Так же размыта, поглощена бесконечностью и точка отсчета любви. Я купалась в этом чувстве с младенчества. Видимо, в нем я в конце концов и утону, так и не взобравшись на неприступную вершину, которая зовется Ильей Романовым. В детстве волны любви были теплыми, это сейчас от них порой сводит ноги, и тогда я начинаю кричать, захлебываясь болью и страхом: «Помогите мне! Помогите... Вы, говорившие, что любите меня...»

Мне повезло с детством, тогда не было пасмурных дней. По крайней мере, я их не помню. Белые створчатые двери нашей с сестрой детской сияли ледяными зеркалами, а, распахиваясь, не больно слепили глаза острыми вспышками. Белый был единственно возможным цветом, в котором наши с Мариной родители, врачи, могли существовать естественно. Мама и одевалась чаще всего в белое, и рассыпала по плечам снежные пряди. Даже демисезонные пальто покупались только светлыми, менялся лишь фасон. По нашему грязному городку, где брызги из-под колес разлетались огромными бурыми веерами, мама несла себя как вызов унынию, ставшему будничным для всех, кроме нее.

И кроме отца, конечно. Он не ходил в белом вне больничных стен, но отец сам был протест, вызов, призыв.

По утрам именно он распахивал двери в нашу комнату и кричал молодым зычным голосом: «Вставайте, девицы! Читайте классику!» И мы читали. Марину чтение так увлекло, что она сделала это занятием всей жизни. Теперь она работает в отделе прозы одного из крупных московских журналов. А я стала писать сама...

Переродились бы мои стихи в песни, если бы Илья не взглянул на меня с экрана? Знаю, этого не произошло бы. Он произвел меня из своей плоти, как первый мужчина первую женщину. И моя любовь к нему неотделима от его существа. Она была таковой даже до того, как он впервые обнял меня.

В моем чувстве никогда не было ничего платонического, ведь, если наши тела соединялись в воображении хотя бы одного из нас, это уже плотская любовь. Хотя бы одного... А нас двое.

Все мое существо заполнено им настолько, что кажется, будто у меня, как у знаменитого удава из детской книжки, есть только одна мысль и я ее думаю. И знаю: в этот самый момент он, может быть, лежит в постели, и уже знакомое мне тело содрогается от радости. Или от ее предвкушения. Или он отдыхает, удовлетворенный и уставший. В моем воображении Илья вообще не вылезает из постели, ведь эти сцены — однообразные, как экранная эротика, но в чем-то всегда новые — и ранят меня больше всего. Только что рожденный моей фантазией его нетерпеливый жест... Треск ткани... Незнакомо искаженный страстью рот...

Это наваждение не оставляет меня в покое ни днем, ни ночью. Любовь не бывает привязана ко времени суток. Уже рассвет ласкает ее теплым дыханием, и дневные лучи нисколько не рассеивают иллюзии. Однако вопреки движению солнца, которое после зенита охладевает к тем, кого намеревалось опалить с утра, мои грешные помыслы только набираются жара, и к вечеру мозг уже готов расплавиться. Какая часть меня пропитана любовью сильнее всего? Сердце? Мозг? Женское естество?

Я еще жива, не делите меня на части, как освежеванную тушу. Да меня и невозможно разделить, ведь я накрепко, словно воском, слеплена своей любовью.

Пушкин ничуть не преувеличивал: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала»¹. Так оно и бывает. Правда, мое узнавание прошло несколько стадий. Вначале было Слово. Его слово вошло в меня и жадно впиталось всей моей кровью. Потом он посмотрел на меня со сцены и — мне одной! — приоткрыл тайну своего Вселенского, как у всех художников, одиночества. А когда он (уже настоящий, живой, в длинном плаще, но с непокрытой головой) вошел в переднюю квартиры, где я ждала его, это было уже не открытие, не узнавание — но подтверждение. Спокойное, с оттенком обреченности: «Да, это он. Только он один».

Он. В тех языках, которые оставили в моей памяти по паре самых распространенных слов, это местоимение короче слова «она». Что-то добавляется к мужчине, и получается женщина. Производная от него, его порождение, но вместе с тем обогащенная новым звуком. Он — она.

К чему эти лингвистические изыски? Не попытка ли это утешиться за счет унижения человека, подняться до которого ты не в силах? Я солгала бы ради него. И укра-ла бы. И убила. В чем же мое превосходство? Его не существует между полами вообще. Только между отдельными людьми. Один из двоих обычно оказывается сильнее. Но это необязательно мужчина.

Я сама недоумеваю: откуда взялась во мне эта молекула безумия, как сумела прокрасться в организм, если мои родители вполне здравомыслящие и довольно ироничные люди? Их я всегда воспринимала скорее как друзей, преданных друг другу, чем как любовников. Над чужими романами они вместе беззлобно посмеивались, а когда из-за любви рушились семьи, называли это не иначе как сумасшествием. Может, наши родители просто делали вид, будто слегка презирают малообъяснимое с научной точ-

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин.

ки зрения чувство из страха, что самим его изведать уже не доведется? Все нереализованное ими досталось мне...

Никогда еще слова не давались мне с таким трудом. Каждое рожаю в муках, как обещал Господь, когда я возлюбил не той любовью, какую Он даровал людям. Я помню сильное, рвущееся к облакам дерево, под которым, невинно раскинувшись, лежал он — единственный мужчина на всем белом свете. И я принесла ему яблоко...

То, что с тех пор прошли столетия, ничего не изменило: на земле по-прежнему существует лишь один мужчина. Моя проклятая Богом любовь, моя песня, мое вдохновение, мой бесконечный сон. Я не хочу просыпаться. Не уходи из меня...

Глава 2

Уйти. Ото всех. От себя. Он боялся себя куда больше, чем других, потому что это уже был не он. Того удачливое, талантливого Ильи Романова, какого знал весь свет, больше не было. Он едва не кричал от ужаса, глядя в зеркало, которое в насмешку подсовывало ничуть не изменившееся отражение. Трещины, от которых раскололось то, что составляло его истинного все сорок три года, не смог бы различить даже самый пристальный взгляд. Он привык ощущать на себе эти взгляды. Многие не были влюбленными или хотя бы доброжелательными, однако Илья давно научился самостоятельно зализывать раны. Но вот с той, что донимала его сейчас, никак не удавалось справиться.

Даже засыпая или едва открывая глаза на рассвете, Илья сжимал и разжимал левую руку, прислушиваясь к ощущениям, которые с каждым днем становились отчетливее. Но боль была вполне терпимой, пока он не брал гитару. Однажды струны внезапно пустили шипы, и пальцы пронзило судорогой. Романов вскрикнул и впервые уронил инструмент. И гитара этого не простила... Теперь судороги возникали каждый раз, когда он при-

касался к ее гладкой длинной шее, как немедленная кара за прелюбодеяние, которое Илья совершал с ней прежде несколько раз за день.

В последние же два месяца, даже когда он не играл, в мизинце часто возникало тягучее напряжение, которое стремительно сгущалось, одновременно растекаясь по руке до плеча. Илья сжимался от боли, чувствуя себя маленьким, одиноким и совершенно беспомощным перед этим неведомым врагом, подточившим его изнутри.

Будучи фаталистом, он даже не подумал бороться, бежать к врачу, искать какие-то средства. Илья сдался без боя, сделав вывод, будто сама судьба решила прервать его победоносное шествие по жизни. Ему и так повезло больше, чем громадному большинству людей, которые мечтают иметь хотя бы что-нибудь одно из длинного перечня того, чем обладал Илья Романов.

Но учиться смирению еще только предстояло, ведь мысли о будущем подавляли его, заставляя задыхаться от страха и метаться по крошечному кабинету, из которого больше не существовало выхода в мир. Кто-то когда-то (Илья даже не заметил — как?) заколотил его грязными досками, и теперь он чувствовал себя заживо похороненным, обреченным видеть перед собой только неструктурное дерево до тех пор, пока не кончится кислород. Илья был уверен, что его немного осталось — так часто горло пережимало спазмом.

Невозможность играть подкосила его настолько, что он и написать ни одной песни не мог. Хотя бы только стихи... Прошла весна, заканчивалось лето, и уже приходилось надевать плащ, а Илья не обнаруживал в себе ничего, кроме нарастающего ужаса. Подобное ощущение пустоты было абсолютно незнакомо ему. Все узанные годы казались спаянными воедино тем состоянием непреходящего волнения, которое принято называть вдохновением. Романов постоянно сочинял что-то и нашептывал про себя или напевал, и радость, наполнявшую его жизнь без зазоров, воспринимал естественной.

Его заботило лишь одно: как бы не повториться — мелодией, мыслью, рифмой, — ведь песен уже было написано так много...

Теперь же новых не рождалось, а старые вызывали у него отвращение, потому что виделись цветами на его собственной могиле.

«Я умер», — говорил он себе и, как ребенок, весь дрожал от горя, не находя, к кому бежать за помощью. Он сказал жене о боли в руке, но умолчал о том, что ее острие упирается в сердце. Илья чувствовал, как умирает, ведь жить больше было незачем. Если бы он заикнулся о подобном Виктории, это убило бы и ее. Ведь все эти годы она верила, будто Илья живет для нее так же, как она для него.

Обидеть жену Илья не мог, она этого не заслужила. И потому продолжал улыбаться и дурачиться, как мужественный актер, который доводит роль до конца, истекая кровью. Переложить на кого-нибудь хотя бы часть тяжести, обрушившейся на него, Илья не считал возможным. Но ему хотелось этого...

Однако жена для этого не годилась. Вынужденное бездействие Ильи даже радовало ее: теперь муж проводил вечера с ней у телевизора, а не у себя в кабинете. Иногда Вика, правда, ловила его на том, что он смотрит невнимательно и даже не может сказать, в каких отношениях между собой те или иные герои.

— О чем ты думаешь?! — возмущалась она. — Такой интересный фильм!

— Да? — рассеянно спрашивал Илья и снова уходил куда-то, хоть и продолжал сидеть в кресле.

Но для Вики это было лучше, чем проводить время в одиночестве, постоянно слыша, как муж что-то бубнит под гитару. Ей не удалось убедить его писать песни для «простых людей», как она говорила. Подобные тем, что сутками звучали с экрана.

— Тебя же совсем перестали показывать! — восклицала Вика с отчаянием. — Потому что твои песни никто не понимает. Даже я.

ГОРОД НАДЕЖДЫ

Он отвечал сквозь зубы:

— Ты — не даже.

Она не сумела объяснить себе, что это значит.

Виктория прекрасно видела, как он мучается, но воспринимала его страдания как неизбежную болезнь роста. Илье уже за сорок, а всенародная слава так же далека, как и в дни их молодости. И, значит, нужно что-то менять, приспособливаться к действительности. Не писать же в угоду тем нечесаным юнцам, которые один за другим таскаются в их дом!

Ее заботило вовсе не то, что они до сих пор живут в малометражной квартире и не имеют возможности ужинать в ресторане. Но Виктории хотелось, чтобы ее муж вел тот образ жизни, которого заслуживал. Она чувствовала: заслуживал, хотя за все эти годы Ильи не создал ничего, по ее мнению, значительного. Ведь ему не вручили ни одной из тех многочисленных премий, которые раздавали в роскошных залах другим певцам.

Когда Вика смотрела эти завораживающие своим блеском церемонии, ей с трудом удавалось сдерживать слезы. Она представляла, как ее муж мог бы так же выйти в белом смокинге из переливающегося в лучах прожекторов лимузина и перед телекамерой подать ей, Виктории, руку. Это походило на сказку, но Вика знала, что она могла осуществиться. Если бы Ильи переборол свою гордыню и начал писать другие песни.

Иногда ей удавалось вытащить Илью из кабинета в надежде раззадорить, когда на экране вручали награду какому-нибудь исполнителю, но муж с недоумением пожимал плечами:

— Слушай, госпожа моя, неужели ты в самом деле не понимаешь? Я же не имею с ними ничего общего! Ты только послушай, о чем они поют... Я ведь занимаюсь совсем другим делом. Тебе нужна эта мишура?

Но ей самой ничего не было нужно. Виктории хотелось, чтоб ее мужа любил каждый человек в этой стране. Любил так же, как любила она сама. А соседки по двору

даже не знали, что Романов считается одним из лучших авторов и исполнителей песен. Илья думал о людях лучше, чем они были на самом деле, и считал, будто все вокруг такие же умные, как он. Вика называла его неисправимым идеалистом.

В последние месяцы, когда жена уходила на работу, а дети разбегались по институтам, Илья, боясь оставаться с собой наедине, часами слонялся по Петербургу, который с самого рождения стал для него средоточием всей земной радости. Ведь здесь он работал и работал, без утомительных перерывов, как только и мечтается каждому художнику, если он по-настоящему любит то, чем занимается. Многие удивлялись, почему, уже будучи известным, Романов не перебрался в столицу, где обрел бы гораздо бóльшую аудиторию хотя бы благодаря телевидению, но Илья просто боялся оторваться от родной почвы, в которой, как ему представлялось, и таился источник вдохновения.

Он знал десятки людей, которые прожили половину жизни, даже не подозревая о том, что и в их душах имеется крошечное углубление, способное наполняться той животворной влагой, без которой Илья задыхался. Эти люди не только жили, но и бывали счастливы, по крайней мере довольны. Раньше Илья даже не представлял, как пуста может быть жизнь, как на самом деле неотличим один день от другого, как тягуче уныние, в котором ложишься спать и открываешь глаза. Он не подозревал, что именно этим и живет бóльшая часть человечества, ведь сам жил иначе и засыпал, волнуясь от нетерпения начать новый день, полный стихотворных находок и музыкальных открытий. Жажда жизни бурлила в нем, подгоняя кровь и заставляя сердце влюбленно замирать. И так было много-много лет. До последнего времени...

Насчет Петербурга он ошибался. Во внешней жизни его ничто не изменилось. Илья оставался в том же городе вместе со своей семьей, а волшебный источник внезапно иссяк. И он не представлял, как наполнить

его вновь. Бродя по городу, который, будто вытягивая силы из своего певца, все хорошел, Илья то и дело оказывался неподалеку от клуба авторской песни, где его всегда встречали как живую легенду. Испытывая от этого неловкость, он редко туда заглядывал, но сейчас его так и подмывало распахнуть металлическую дверь и заорать во весь голос:

— Приглашаю всех на поминки Ильи Романова! Будет весело, ей-богу!

За те двадцать с лишним лет, что он занимался самостоятельной песней, ему сотни раз приходилось отвечать на необъяснимый вопрос: почему в его песнях столько трагизма?

«И в самом деле, — ставил себя Илья на место слушателей. — Уж ему-то отчего страдать?»

Со стороны Романов казался одним из тех редких, скорее даже исключительных, людей, все мечты которых сбываются. Еще в юности он не хотел заниматься ничем иным, как исполнять собственные песни, и это сбылось. Ему хотелось стать знаменитым, жениться по любви на красивой женщине, которая родит ему детей. Все это Илья получил. Природа не обделила его ни здоровьем, ни привлекательностью. Свои сорок три года он прожил честно, что тоже редко удается, и тем не менее не был ни беден, ни слишком богат, чтобы опасаться завтрашнего дня. Старший брат любил его скорее как сына и ради Ильи создал в свое время студию звукозаписи, которая теперь кормила обоих. Словом, Илья Романов был человеком, познавшим абсолютное счастье.

Отыскивая ответы в строгих чертах города, Илья склонялся к мысли, что боль, которая всегда начинала звучать в нем вместе с новой песней, была отсветом боли грядущей. Еще не пережитой, но обещанной. И вот теперь наступала пора узнать ее наяву. Однако Илья оказался не готов к ней, как почти всегда человек оказывается не готов ко всему незнакомому. На свете существовали тысячи людей, считавших Илью Романова личностью уни-